

О Ч Е Р К — Т О М 1

Айзек Алиев

Чёрное золото

Российской империи

ПРОГРАММА «НОВЫЕ ИМЕНА»

18+

Айзек Алиев

**Чёрное золото Российской
империи. Том 1**

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-43
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Алиев А.

Чёрное золото Российской империи. Том 1 / А. Алиев —
«Издательство «Союз писателей», 2017

ISBN 978-5-00073-656-2

Совершить прогулку в прошлое и посетить Азербайджан девятнадцатого века предлагает своим читателям Айзек Алиев. На страницах книги "Черное золото Российской империи" история оживает на глазах из субстанции эфемерной превращается в нечто плотное и удивительно реальное. Повествование основано на фактах, датах и именах, сведения о которых сохранились в учебниках и справочниках. Но писатель вдохнул в них новую жизнь, воскресил в памяти и нарисовал яркие картины, в которых можно раствориться. Когда в Азербайджане нашли нефть, так называемое "черное золото", жизнь людей изменилась коренным образом. Старые традиции, устоявшийся уклад, привычные нравы и многовековые обычаи столкнулись с тем новым, что пока только стучалось в двери. Заключались сделки, подписывались договора, будущее врывалось в каждый дом, одним суля гибель, другим - богатство. Разрушенные судьбы и нажитые состояния, инновационные начинания и консервативные взгляды - все смешалось в едином клубке из амбиций, желаний, стремлений, надежд и чаяний. На фоне исторических событий проникала в сердца любовь, рождалась дружба, складывались партнерские отношения, совершались предательства и преподносились подарки судьбы. Вас ждет красочная атмосфера прошлого и непередаваемый колорит города, прославившегося своими манящими огнями. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-43
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-656-2

© Алиев А., 2017

© «Издательство «Союз
писателей», 2017

Содержание

Пролог	7
Если нефть – королева, то Баку её трон	10
Июнь 1876 года, Баку	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Айзек Алиев
Чёрное золото Российской империи. Том 1
Очерк

© Алиев А., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

*Удивленья достойны поступки Творца!
Переполнены горечью наши сердца,
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.*

Омар Хайям

Пролог

Сегодня я проснулся, как говорят, с первыми петухами. В комнате было немного душно, и я вышел на небольшой балкон. Вдали сверкала морская гладь, утро было на редкость безветренным. Кроваво-красный диск только начинал своё восхождение над линией горизонта. Исходящие от него яркие лучи, скользя по поверхности воды, словно набирали силу, чтобы поглотить весь город. Мне стало не по себе от этих странных ассоциаций, возникших в моей голове. Знамение?... Я вернулся в комнату, принял душ, оделся и вышел из своего коттеджа. Вокруг было тихо, лишь изредка далёкий лай собак нарушал безмолвие. Наш городок ещё спал. На душе было тревожно, беспокойно. Я направился в столовую в надежде позавтракать. Но, войдя в помещение, увидел только Аликиши, который возился на кухне. Помещение было большое, светлое, сияющее чистотой. Столы покрывали белоснежные скатерти.

– Доброе утро, Аликиши! Кажется, повар ещё не вышел на работу?

– Хотелось бы, чтобы оно было добрым... Повар будет в 7 часов, но вы не беспокойтесь, господин Линдберг, пожалуйста, присаживайтесь, я вас покормлю, – ответил он, чуть кланяясь и приложив левую руку к груди.

Это был высокий, худощавый, очень подвижный и умудрённый жизнью старик. Он помогал повару на кухне. За пять минут на столе появились очень твёрдый сахар, масло, мёд, брынза, молоко, сливки, стакан мацони и горячая лепёшка. Ещё через десять минут с пылу с жару был подан омлет с беконом – прямо со сковороды.

– Кушайте на здоровье, господин Линдберг!

Аликиши довольно сносно говорил по-русски. Все знали, что этот старик всегда был в курсе всех событий, происходящих в городе. Он каждый божий день ездил на главный городской базар для закупки продуктов, где и узнавал последние сплетни и новости. Как и везде на Востоке, базар был местом, куда стекалась вся информация, тайная и явная, правдивая и выдуманная. Торгуя, люди судачили друг с другом обо всём на свете.

– Что слышно в городе? – поинтересовался я.

– Ничего хорошего, господин Линдберг, сказать не могу. Говорят, что большевики уже вошли в нашу страну и идут напрямик сюда, в Баку.

– А что предпринимают правительство, парламент? Войска мобилизованы?

– Точно не знаю, но говорят, что никто не собирается сопротивляться.

– Как такое возможно?!

– Не моего ума это дело, но что толку в том, чтобы напрасно пролилась кровь? Силы несопоставимы. Жалко юнцов посылать на верную смерть...

Мне было странно слышать такие рассуждения, но я не стал отвечать, а только поблагодарил за еду и новости, заплатил за завтрак и откланялся. Выйдя из столовой, я направился в головную контору Вилла Петролеа (так назывался наш городок, который уже начал просыпаться). В конторе я застал несколько работников, которые обсуждали сообщение в утреннем выпуске газеты «Азербайджан»: ультиматум большевиков принят, и правительство с парламентом страны слагают свои полномочия. Мне надо было увидеться с управляющим, и один из работников сообщил, что в 10 утра состоится экстренное совещание руководителей компании братьев Нобелей и компании Детеринга «Ройял Датч Шелл». На совещании объявили, чтобы никто не поддавался панике и все продолжали работать. Большевикам тоже необходимо организованное нефтяное производство, поэтому будем договариваться с ними, как и с любой другой властью. На резонный вопрос о том, что делать, если большевики решат национализировать компании, был дан ответ, что в таком случае можно будет подумать о продаже акций новой власти.

Я был хорошо осведомлён о происходящих событиях в Петербурге и Москве и поэтому не питал никаких иллюзий, твёрдо решив завтра же выехать в Тифлис, а оттуда в Европу, не дожидаясь всяческих сюрпризов от новоявленных правителей. За год, проведённый в Баку, я сблизился с одним из ведущих инженеров компании братьев Нобелей, господином Абихтом, весьма интересным человеком, который, казалось, упивался жизнью здесь. Он с невероятной любовью рассказывал о городе, о людях, проживающих в нём, о местных обычаях и традициях, о необычайной природе и море. К несчастью, в последнее время он тяжело болел, его мучила одышка и он испытывал сильные боли в области сердца. В конце концов друзья уговорили его лечь в Михайловскую больницу.

Мне очень хотелось проститься с ним, но вырваться удалось только во второй половине дня. Абихт полусидя возлежал на койке и что-то писал.

– Добрый день, господин Абихт, рад вас видеть! Как вы себя чувствуете?

– Приветствую вас, молодой человек! Врачи обнадеживают меня, и действительно – мне несколько лучше. Спасибо, что не забыли старика, весьма признателен.

У Абихта были великолепные пепельного цвета волосы, которые он время от времени всей пятернёй правой руки приглаживал назад. Это был пожилой господин приятной наружности с живыми, источающими мысль голубыми глазами. В самую первую встречу собеседник подпадал под чары его мощного обаяния, которое было настолько сильным, что люди буквально искали повод с ним пообщаться. Он был внимателен к любому обратившемуся, невзирая на его возраст и социальное положение. В Баку, напоминающем большую деревню, где все знали друг друга, каждый по возможности старался получить от Абихта дельный совет.

– Вы меня успокоили, я очень переживал за вас. Откровенно говоря, за непродолжительное время, которое я здесь провёл, я весьма привязался к вам. Эти чёртовы обстоятельства, когда всё рушится... – Я запнулся, подбирая слова. – В общем, завтра я уезжаю и зашёл попрощаться.

– Вы правильно поступаете, ибо в этой части Земли происходят поистине огромные тектонические сдвиги, которые не пощадят всех, кто привязан к старому укладу. У меня к вам большая просьба. Вы хоть и недолго пробыли в Баку, но я нашёл в вашем лице преданного и настоящего друга, невзирая на большую разницу в возрасте. – Он замолк, собираясь с силами для продолжения разговора.

– Я польщён вашими словами. Быть вашим другом – большая честь для меня.

– За долгую жизнь в этом удивительном месте я познакомился со многими замечательными людьми. Истинные дети своего времени, они стали локомотивом эпохи, создали новую реальность. На моих глазах обыкновенные мальчишки и юноши превращались в специалистов международного класса, лидеров наций, в людей, одарённых многочисленными талантами, гениальной интуицией и божественным предвидением. Извините за высокопарность, что-то меня занесло... Так вот, я так долго живу в этом городе, что товарищей и знакомых у меня довольно много. Было и несколько по-настоящему близких друзей, но кто-то из них умер, а кто-то уехал. Из старой гвардии остался только господин Тагиев, но он не может выполнить мою просьбу. Я весьма щепетилен в выборе людей, а среди тех, кого я потерял, были потрясающие личности... Мы живём в такое страшное и тяжёлое время... – Он тяжело задышал, речь давалась ему с трудом. – Прямо перед вашим приходом меня посетил член парламента, который рассказал ужасающие новости... Они пережили прошлой ночью сущий кошмар! Их фактически принудили отречься от власти. Пришёл конец нашей недолгой независимости! Теперь будет новое правительство, и неизвестно, к чему всё это приведёт... Прогнозы неутешительные, я бы даже сказал – весьма скверные. Бедные простые люди, нет им покоя!... – Он опять замолчал, собираясь силами. Я из почтения не прерывал его монолог. – К чему эта пространная прелюдия? Перейду непосредственно к делу. Меня хотят посадить в санитарный вагон и увезти в Тифлис, где относительно безопасно. Ну а дальше, в зависимости от моего самочув-

ствия, при удачном раскладе я попаду Германию, на мою родину. Здесь, в Баку, у меня большая библиотека, но, думаю, сейчас она никому не нужна. Время такое... Единственное, что я хочу сохранить, – это мои дневники, которые велись с тех пор, как я приехал сюда. Страшно сказать, сколько лет назад это было! Дневники – фактически вся моя жизнь, но брать их с собой я не рискую: неизвестно, что со мной случится в ближайшем будущем. Могу я попросить вас позаботиться о них? Пожалуйста, захватите тетради с собой и вышлите из Швеции на германский адрес, по которому проживают моя сестра и её дети. Я буду вам крайне признателен! Даже если со мной произойдёт самое худшее, дневники сохранятся в качестве памяти обо мне. – Абихт протянул мне папки. – Вот, возьмите, это мои заметки, описывающие последние события, происходящие с нами. Мало кто понимает, что творится вокруг, но я чувствую, что близится нечто ужасное и неотвратимое.

Так я и расстался с моим другом. Уже в Швеции я узнал, что господин Абихт скончался в тифлисской больнице и его прах перевезли в Германию, в родной город, ставший его вечным пристанищем. Да будет этому достойному человеку земля пухом! Аминь. Я выполнил его просьбу и забрал с собой три толстые, потрёпанные временем папки. Листочки были исписаны мелким, убористым и красивым почерком, почти без помарок. Аккуратность, пунктуальность и основательность ведения дневниковых записей за столь длительный временной период поразили меня. Даты, цифры... Такое ощущение, что Абихт не писал, а стенографировал эпоху и свою жизнь в ней, тщательно и скрупулёзно фиксировал все события и факты городской жизни. И ещё дневник очень походил на подробный справочник, где можно было почерпнуть массу полезной и важной информации. Но это не был сухой отчёт о прожитой жизни в городе Баку: в каждой строке чувствовалась частичка его сердца, в каждом слове сквозили любовь и понимание. Даже о плохом он умудрялся писать без злобы! Удивительное взаимопроникновение противоположностей! Ему удалось то, что мало кому удавалось: представитель западной цивилизации постиг квинтэссенцию восточной жизни.

Ниже я привожу дневниковые записи господина Абихта, охватывающие период с момента взятия Российской империей крепости Баку до 1920 года. Они свидетельствуют об эпохе, которая начиналась столь многообещающе, а закончилась хаосом; это повествование о том, как благодаря колоссальным нефтяным запасам, передовым технологиям, духу предпринимательства и огромным финансовым вложениям Богом забытый захолустный городишко-крепость на берегу Каспийского моря за коротких 50–60 лет превратился в один из величайших центров мировой нефтедобычи. И только Всевышний знает, скольких человеческих жизней это стоило, сколько жертв и страданий принесла людям эта сатанинская жидкость! Спектр её влияния огромен – от убийства одного человека до межгосударственных войн, от жизни несчастного амбала¹ до судеб трона и царствующих особ!

¹ Здесь: грузчик, чернорабочий в портах Каспия и нижней Волги (устар., диал.).

Если нефть – королева, то Баку её трон

Будем довольны тем, что нам дано, и благодарны за то, что от многого избавлены. Примем естественный порядок вещей. Примиримся с таинственным ритмом наших судеб, предначертанным нам в этом ограниченном времени и пространством мире. Чудный свет немислим без теней.

Жизнь – едина, и всё хорошее в ней, и всё худое надо принять вместе. Не дурен путь нашей жизни – его стоило пройти.

Уинстон Черчилль

Июнь 1876 года, Баку

Меня зовут Рудольф Абихт. Я родился в 1851 году в маленьком германском городке Эттлинген, живописно расположенном на речке Альб и принадлежащем землям Баден-Вюртемберг. Город был основан в 788 году. Отец мой владел (да и сейчас владеет) небольшой таверной, где работала вся наша семья: отец, мать, я и две мои сестрёнки. В школе я учился довольно прилично. Мама возлагала на меня большие надежды. Она мечтала, что её сын станет образованным и важным человеком и будет работать в Берлине. После окончания школы я уехал в городок Карлсруэ и поступил там в Технологический институт – старейшее техническое высшее учебное заведение в Германии, основанное в 1825 году. В институте я изучал инженерное строительство, геологию, технологию производства и получил диплом по специальности «Инженер-технолог». Мои родители имели кое-какие накопления, и это позволило мне арендовать комнату вместе с сокурсником в небольшом домике, принадлежавшем фрау Зигфрид. Это была высокая и сухопарая женщина средних лет. Всегда одетая в чёрное после смерти мужа, она молчаливо и тихо передвигалась по дому, словно тень. По хозяйству ей помогала молодая, толстая, грудастая, краснощёкая, пышущая здоровьем служанка Агнет. Она вечно строила глазки то мне, то моему сокурснику. Но мы старались не давать ей повода приставать к нам и избегали оставаться с ней наедине. Тем более что фрау Зигфрид это бы определённо не понравилось. Городок Карлсруэ называют «немецким Версалем». Его основатель, маркграф Карл III Вильгельм, мечтал повторить стиль «короля-солнца» Людовика XIV. Город и правда получился «солнечным»: главная улица лучами расходится от центрального дворца, построенного в стиле барокко.

Завершив учёбу, я вернулся домой, где ничего не изменилось, если не считать того, что обе мои сестры вышли замуж и обзавелись детьми. Мне предстояло решить, что делать дальше. Со мной учился парень, родители которого переехали из Германии в Россию: у них там было собственное дело. Карл постоянно уговаривал меня поехать с ним в эту удивительную, почти сказочную страну с огромными просторами, заснеженными высоченными горами, с дикими непроходимыми лесами, с бескрайними степями и даже с настоящей пустыней, где бродят караваны верблюдов. Он рассказывал, какие там живут люди: добрые, душевные, немного наивные, не думающие о завтрашнем дне, но старающиеся прожить сегодняшний с полной отдачей. Я решил написать ему письмо, на которое он дал восторженный ответ: дескать, не сомневайся и скорее приезжай в Москву, вторую столицу Российской империи, с обустройством и работой поможем. Мои родители, особенно мама, были против моей поездки на чужбину. Они хотели, чтобы их единственный сын жил поблизости, обзавёлся семьёй, детьми, сделал карьеру в Германии. Однако в силу своего романтизма, желания самостоятельной жизни и жажды путешествий в неведомые страны я настоял на своём и в прошлом году очутился в

России. Карл поселил меня в доме, на первом этаже которого располагается фирма его отца. С трудоустройством долго ничего не получалось, и я выполнял мелкие поручения Карла по его работе, вживался в российскую действительность. Вскоре начал говорить на ломаном русском. Так и прошёл целый год.

В Москве я познакомился с голландцем по имени Лев де Бур, который рассказал мне о своей жизни на Кавказе. Он, так же как и Карл, не жалел всевозможных эпитетов для описания столь чудесного края – страны восточной, волшебной, дикой красоты, где обязательно надо побывать. Больше всего он рассказывал о месте, где проживал и работал – великом городе нефти Баку. Вся земля в его окрестностях пропитана этой горючей жидкостью, в ней таятся бесчисленные залежи её природных резервуаров. Газ выходит прямиком на поверхность, и, плавая на яхте по прекрасной Бакинской бухте, нередко в местах его выхода можно наблюдать «горение» водной поверхности. Это чудо нельзя описать словами, его надо видеть! Я с большим интересом внимал рассказам господина де Бура о бакинских чудесах, но больше всего меня привлекло упоминание о том, что там располагается несколько небольших заводов, перерабатывающих сырую нефть в керосин. Зная технологию переработки, я мог пригодиться в качестве инженера-технолога. Голландец уверил меня, что Баку даёт огромные возможности для самореализации, поскольку местный народ в большинстве своём безграмотен, а толковые специалисты нарасхват. Вот так я, 25-летний молодой человек, решил на эту авантюру – поездку в Баку.

Поезд мчал меня по пустынной, слегка волнистой местности с преобладанием известковой почвы. Как мне подсказал мой сосед по купе – армянский купец, торгующий текстилем, господин ТерАкопов, мы въехали на территорию Апшеронского полуострова. Я видел его на карте, он напоминал гигантскую голову орла с клювом, выдающимся в море. Необъятная солончаковая степь издали казалась огромной, уходящей за горизонт водной поверхностью. Соль здесь лежит повсюду буквально пластами. Природа унылая, серая, без растительности. Дожди идут очень редко, реки отсутствуют, а сильные ветра препятствуют росту даже тех деревьев, которым не нужна значительная влага. Это владения апшеронского норда (по-местному – «хазри») – холодного, северного, настойчивого ветра типа боры². Круглый год норд здесь треплет несчастные верблюжьи колючки – единственный распространённый вид растительности.

Серое однообразное мелькание горячих песков наводило меня на мысли о вечности. Время от времени панораму разнообразили караваны верблюдов, неторопливо шагающих друг за другом гуськом с тяжёлой кладью на спинах. Безмолвно и величественно шествовали эти животные, сопровождаемые людьми, волоча за собой пыльные облака. Караваны шли на юг, направляясь в Персию. Господин Тер-Акопов уточнил, что они увозят с Апшерона нефть, и добавил, что Бог обделил здешние места пресной водой, но взамен щедро наградил нефтью. Впервые в жизни я своими глазами увидел так называемые «грязевые вулканы». Внешне они представляют собой невысокие холмики, испещрённые трещинами, по которым ползёт грязь, выбрасываемая время от времени из подземного чрева. Создаётся ощущение, что холм живой и дышит, иногда покашливая и извергая из себя мокроту.

Мы ехали по узкой долине, сжатой с двух сторон каньонами. Похоже было, что попали чуть ли не в американскую Мёртвую долину! Тут всё безжизненно – скудная, обожжённая солнцем земля как бы источает солнечный пот. Влажный песок пропитан солью и тёмно-зелёной жидкостью. Это и есть нефть. С обеих сторон долины страшно вздымаются исковерканные утёсы с нависшими камнями. Господин Тер-Акопов объяснил, что этот каньон носит название Волчьих ворот и представляет собой отверстие, образованное в скале и выходящее пропастью в эту узкую и глубокую долину, по которой двигался наш поезд. Вид скалы, объяснил мне

² *Бора* – сильный и порывистый ветер, дующий преимущественно в холодное время года вниз по горному склону и приносящий значительное похолодание.

мой попутчик, напоминает волчью пасть. Говорят, что, когда сильнейший норд дует сквозь это отверстие, звук напоминает протяжный волчий вой. Волчьи ворота находятся в пяти вёрстах от Баку и являются южным выездом из города. Мы проехали небольшое солёное озеро и стремительно приближались к месту, где долина упирается в мутный морской залив. Теперь наш путь следовал непосредственно вдоль берега моря, и это радовало глаз. Наконец-то вода! Пусть и морская. Берег Апшерона омывается мутно-зеленоватыми волнами седого Каспия. Вдалеке виднеется точка суши – это, как мне объяснил мой гид, остров Пираллахи³. На нём находится один из почитаемых мусульманами Пир⁴. Вся Бакинская бухта взята в полукольцо двумя мысами – Зыхским и Баиловским.

По едкому запаху керосина я догадался, что цель моя близка и что наш поезд въезжает в город нефти и керосина. Мимо окна моего вагона мелькали заводы, резервуары, трубы. Везде были дым, копоть, грязь. Здания, стены, крыши – казалось, всё пропитано той мутно-зеленоватой жидкостью, именуемой нефтью, которая и составляет жизненную основу этого города, его *raison d'être*⁵. Наконец поезд остановился, и мы вышли на платформу. Я поблагодарил господина Тер-Акопова за приятное времяпровождение и интереснейшие рассказы о Баку и Апшероне.

Меня встретил господин де Бур, усадил в фаэтон, и мы помчались по незнакомым мне улицам. Их вид поразил меня: ужасно грязные, немощёные, в многочисленных колдобинах. Я был изумлён: как можно жить в таких условиях?... Господин де Бур с доброй улыбкой похлопал меня по плечу:

– Эх, дружище, вы ещё здесь и не такое увидите! Но всё это мелочи по сравнению с бьющим фонтаном «чёрного золота» из только что пробурённой скважины. Это неповторимое зрелище! – Я заметил, как заблестели его глаза. – Да, между прочим, вам весьма повезло! Я нашёл дом для проживания в Крепости⁶, напротив главных ворот. Он принадлежит очень уважаемой у нас семье Селимхановых. Второй этаж занимаю я. На первом будете жить вы. Две просторные комнаты, кухня, ванная – все удобства, вам понравится.

Мы выехали на площадь, и передо мной возникли старые крепостные стены. Наш фаэтон устремился к крепостным воротам.

– Обратите внимание, – проговорил господин де Бур, – мы въезжаем в те самые Шемахинские ворота, через которые должен был пройти князь Цицианов в 1806 году. Окружение предупредило его о возможном подвохе, но он ответил как Цезарь: «Они не посмеют» – и был вероломно убит. Эту историю я расскажу вам как-нибудь потом.

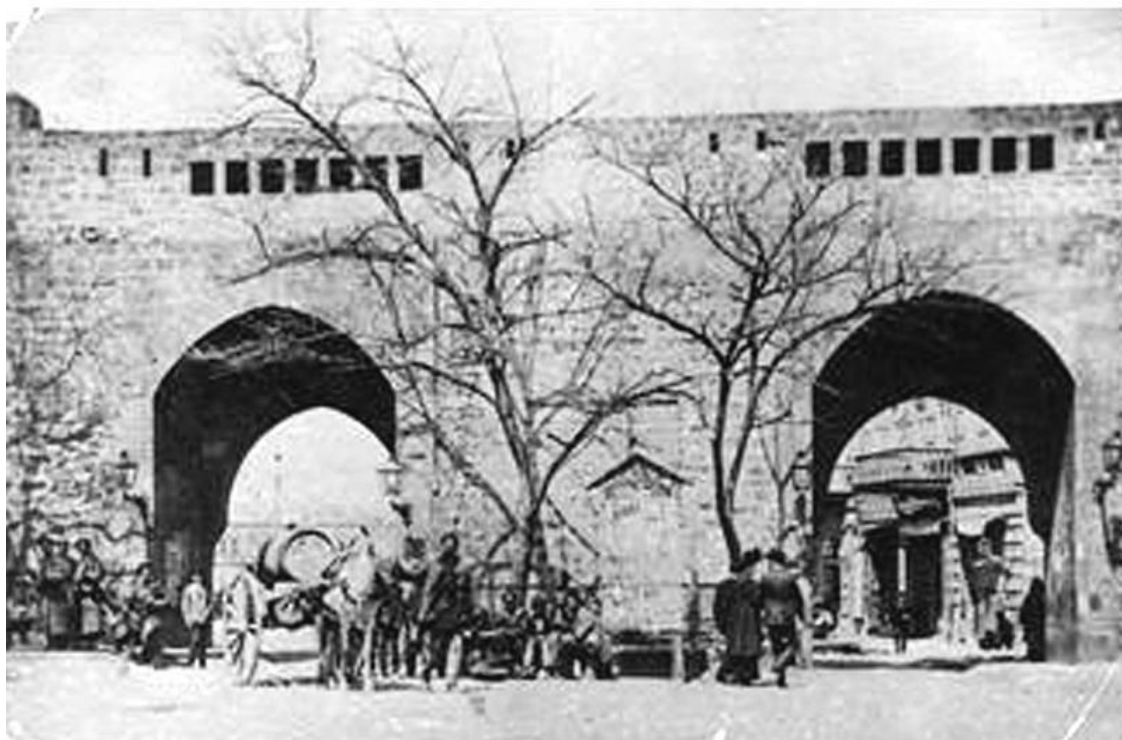
Дом оказался старым, но добротно построенным. Меблированные комнаты в хорошем состоянии, но для моего кошелька весьма недешёвые. Господин де Бур познакомил меня со своей женой и двумя малолетними дочерьми. Уже на следующий день мы поехали на керосиновый завод, где Лёва (так он потребовал его отныне называть) познакомил меня с хозяином, шведом Робертом Нобелем. Роберт, расспросив обо мне, стал рассказывать о своих великих планах: он убеждён, что через несколько лет никто не узнает этот город. «Всё идёт к тому, что нас ожидает нефтяная лихорадка», – подытожил он.

³ Дословно «Святыня Аллаха».

⁴ Переводится как «святыня», «святое место».

⁵ Смысл существования (*фр.*).

⁶ Старый, феодальный район города.

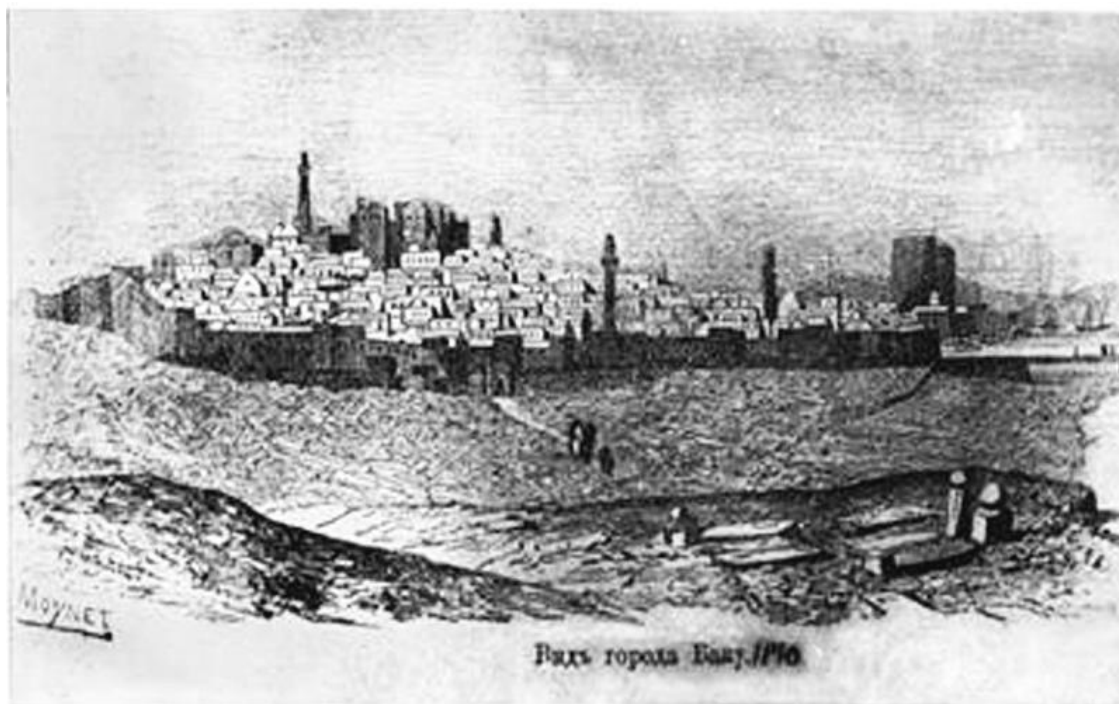
Шемахинские ворота Бакинской крепости. Перед этими воротами был вероломно убит князь Цицианов

Главной новостью стало то, что братья Нобели, шведские подданные, собираются серьёзно заняться нефтяным делом, организовав всю цепочку производства от добычи нефти до конечного продукта (керосина) и дальнейшей его транспортировки во все губернии Российской империи. По своему замыслу это поистине грандиозный проект! Ведь им предстоит конкурировать с нефтяным королём Земли – господином Рокфеллером, который полностью обеспечивает российский рынок американским керосином. Но господа Нобели, по всей видимости, люди не робкого десятка и верят в свои силы и возможности.

Итак, меня приняли на службу к Роберту Нобелю в качестве инженера-технолога с хорошим жалованьем. Наконец-то я освобожу родителей от бремени высылать мне деньги на проживание.

Бакинская крепость

Общий вид города Баку

Что меня сразу поразило в этом городе, так это его разноплеменное население. Это настоящий Вавилон, где обитает множество народностей! По-русски я говорю уже довольно сносно и даже начал прислушиваться к татарскому языку («татарами» здесь русские называют всех мусульман, составляющих большинство населения). Среди жителей значительное число армян, которые причисляют себя к местным.

С первого взгляда Баку – это провинциальный унылый полурусский и полуперсидский городок. Одноэтажные и двухэтажные дома желтовато-серого, запылённого цвета, отвратительные немощёные улицы, редкие керосиновые фонари, тускло освещающие улицы, по которым в тёмное время суток страшно ходить. Поначалу я никак не мог привыкнуть к домам с плоскими крышами, которые покрыты киром⁷. Пыль, которая является неотъемлемой частью любого русского города, не идёт ни в какое сравнение с обилием бакинской! Часто дующий норд приносит из близлежащей степи целые тучи песка и мелкого камня. Они вихрем несутся по городу, неимоверными порывами сотрясая оконные рамы. Несмотря на всевозможные преграды и затворы, пыль забирается в дома сквозь щели плотно закрытых окон, покрывает толстым слоем подоконники и жилые комнаты. От густого пыльного налёта все дома и балконы кажутся выкрашенными в один и тот же тоскливый глинистый цвет. Летом, когда невыносимый удушливый зной достигает пятидесяти градусов, люди предпочитают задохнуться в плотно запертых комнатах, чем позволить ворваться в них «свежему» воздуху, забивающему не только лёгкие, но и все кожные поры своей густой и жирной грязью. Жители города не знают, чего желать: с одной стороны, норд спасает Баку от невыносимой жары, очищая и вентилируя воздух; с другой, пронизывает насквозь и поднимает страшную пыль, от которой нет спасения. Люди шутят, что, как ни запирайся, она проникнет даже в запечатанную коробку с сардинами. Мне рассказали, что зимой норд приносит сюда холод, пронизывающий буквально до костей. Таким образом, при одной и той же минусовой температуре бакинцы страдают больше, чем немцы в Германии. Местная беднота часто обмораживает ноги, поскольку зимой многие из них ходят в одних туфлях или даже босиком, а придя домой, начинают греть конечности над

⁷ Земля или песок, пропитанные нефтью, быстро твердеющие и превращающиеся в нечто наподобие асфальта.

жаровней. Другой сильный ветер – южный гилавар, дующий в лоб Баку прямо из Персии, иногда создаёт такое сильное волнение на море, что выбрасывает на берег суда.

Дождь здесь большая редкость. Тяжко каждое утро просыпаться и видеть безоблачное небо, раскалённое солнце, обещающее очередной мучительный зной и такую же невыносимую сухость. Я как манну небесную всякий раз жду облачка, серого неба, запаха дождевой влаги. Лев меня поучает: надо постараться привыкнуть к жаре, песчаным бурям, жирному дыму и зловониям, доносящимся с горящих промыслов. «Ты научишься ценить осень и весну, исполненных мягкого климата», – говорит он, всё так же похлопывая меня по плечу.

Другой достопримечательностью города, помимо обилия пыли, является феноменальная уличная грязь, с которой жители, однако, весьма мирно и дружелюбно уживаются. Немощёные улицы – холмистые, с огромными выбоинами, превращают движение по ним в целое испытание. Я поражаюсь такому неблагоустройству в самом центре города! Когда мимо проезжает фаэтон, из уличных болот распространяется дикая вонь. В европейских городах существует правило: чем человек состоятельнее, тем чище у него дом, двор и улица. Здесь же мимо дома богача невозможно пройти из-за грязи.

Все мусульмане носят усы, бороду и папаху. Когда ругаются, говорят: «Усы тебе порежу!» Ещё шутят, что, мол, за жизнь такая: наверх плюнешь – усы мешают, вниз – борода? Бараньи папахи, покрывающие бритые головы мусульман, не снимаются даже дома, так как папаха символизирует мужскую честь и всегда должна быть на голове.

Среди местного населения преобладают татары, армяне и персияне. Женщин на улицах почти не видно. Вечером в городском саду можно встретить жён и дочерей русских чиновников и служащих. Русских женщин из простонародья очень мало. Женская прислуга редка и ценится очень дорого. Большей частью прислуживают мужчины – лезгины и персияне. Татарские женщины в услужение не идут. Более зажиточные татарки и вовсе прячутся дома. Те же бедняжки, которым приходится выходить, обыкновенно стараются быстро перебежать улицу, кутаясь в свои разноцветные чадры, закрывая лицо от глаз прохожих. Тяжёлое впечатление производят эти пугливые существа, укрытые с головы до ног длинными покрывалами! Невольно испытываешь чувство жалости к ним. Тем более что порыв ветра часто открывает довольно симпатичное личико.

Баку сосредоточен в основном в пределах крепостных стен. В Крепости все дома из неотёсанного камня с глиной и плоскими кровлями; они лепятся один к другому без всякой планировки. Улочки узкие, замысловатые, с непредсказуемыми тупиками, проходными дворами и парадными. Идя по любой из них, заранее не знаешь: удастся ли выбраться? Проще передвигаться по крышам. В этом каменном лабиринте тяжело перемещаться, но зато удобно обороняться и прятаться. С другой стороны, все эти кривые и узкие проходы дают возможность зимой спастись от пронизывающего норда. Почти у всех домов есть балконы и колоннады. Порой кажется, что жилец одного дома может с балкона протянуть руку и дотянуться до жилища соседа напротив.

Если подняться на крышу дома, в котором я проживаю, открывается прекрасная панорама всей Крепости. Справа от меня возвышается Ханский дворец, к сожалению занятый артиллерийскими складами и не доступный для широкой публики. Прямо передо мной – Бакинский залив. Днём, в пору сиесты, отсюда можно любоваться голубыми волнами, оттачивающими каменную пристань. Прямо у берега возвышается странная башня высотой 150 футов.

Гыз Галасы (Девичья башня)

Это мощное цилиндрической формы сооружение с толщиной стен у основания около 5 метров и с огромным выступом с восточной стороны. Соседи рассказали мне древнюю персидскую сказку о царе и его дочери, для которой была построена эта башня, прозванная в народе Девичьей (Гыз Галасы). Только они думают, что это, скорее всего, сторожевая башня для наблюдения за приближающимися судами и для защиты города. На её вершине развивается русское знамя. Чуть ниже моего дома начинается базар, который тянется до самой Девичьей башни. Здесь вечная сутолока – ослы, лошади, собаки вперемешку с людьми. Торгуют шёлком, коврами, сахаром, шафраном, персидскими тканями, солью. Иноязычный говор не смолкает, кипит торговля и ремёсла. Запах и смрад такой же, как и на всех восточных базарах; везде ползают дети, бегают тараканы и мыши. Каждый лавочник считает за правило расположиться со своей продукцией прямо на мостовой, затрудняя и без того нелёгкие проход и проезд. Ремесленники сидят за своими работами – кузнецы раскаляют железо в горнах и куют его на наковальнях, кто-то обрабатывает металлические изделия, рубит, чеканит, вырезает. В лавках, как и повсюду, грязно, ковры валяются на полу – в дверях, на крыльце, даже на улице. Прохожие, нисколько не смущаясь, топчут их так, что больно смотреть. А они ведь весьма добротные, персидские или кавказские, ручной работы. Все помои без всякого стеснения вылива-

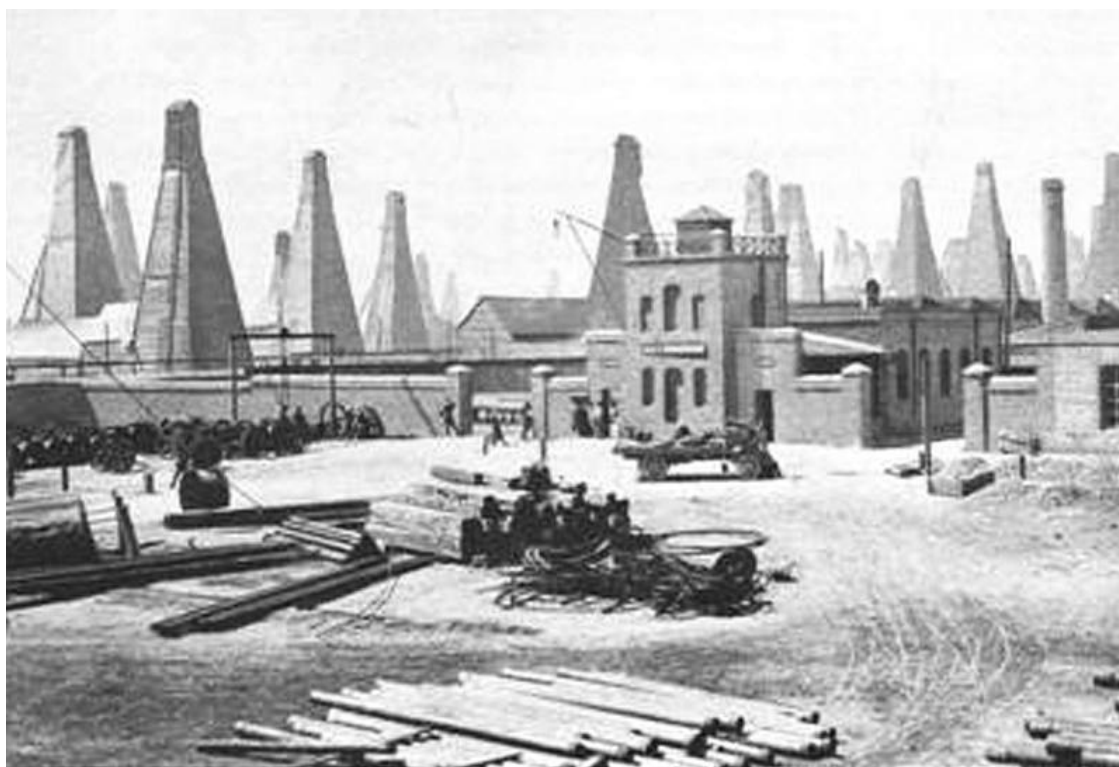
ются на тротуар. Лавки набиты персидскими, астраханскими и туземными товарами, имеются также товары из Европы. Тут же лежат и едят свой чурек с виноградом несчастные оборванцы – всеми обиженные амбалы (по большей части персы). Люди с кирпично-красным цветом лица носят крашенные хной бороды, в краске у них также ладони и все пальцы. Часто встречаются молодые татары, просиживающие целыми днями с поджатыми ногами с кальяном в руках, с взглядом, устремлённым вдаль, и выражением полнейшей апатии на лице. Оружием в основном торгуют армяне. В некоторых местах, расставив соломенную подстилку и усевшись на тюфячок, писари-мирзы за копейку сочиняют письма для амшари – персидских отходников тюркского происхождения, массово прибывающих сюда из Азербайджанской провинции Персии. Я обратил внимание на большое количество среди мусульман нищих – больных, калек, детей и вдов, которые не дают проходу. Лев считает, что богатые мусульмане не проявляют должного внимания к своим бедствующим единоверцам.

Не так давно я стал свидетелем безобразной сцены: шедший навстречу городской нежданно для меня взял и повалил ногой стол с фруктами и овощами, которые полетели в грязь. От растерянности я остановился. Бедный лавочник, ни слова не сказав, начал собирать испачканные и испорченные плоды. А городской как ни в чём не бывало пошёл дальше и приветливо поздоровался с соседом пострадавшего. Я был в недоумении. Мне объяснили, что таким поведением глава города демонстрирует свою власть: кого захочет – оскорбит, а другого приласкает.

Я за всё это время очень подружился со Львом, несмотря на разницу в возрасте. Он родился в 1840 году в голландском городе Утрехт. Ему было всего 20 лет, когда он устроился штурманом на пароход, принадлежавший астраханскому отделу компании «Кавказ и Меркурий». В Баку попал в 1864 году путём перевода в бакинское отделение той же компании. Здесь его первым хорошим знакомым, а позже и другом стал Отто Ленц (родился в Пруссии в 1835 году), работавший механиком в той же компании. Через Ленца Лев познакомился с мусульманином Зейналом (сыном башмачника Таги, родившимся в Баку в 1838 году). Это был 26-летний подрядчик-строитель, который недавно женился. По словам Льва, Зейнал резко отличался от других мусульман. В то время как магометане избегали общения с иноверцами и делали это только в случае крайней нужды, Зейнал, напротив, тянулся ко всему новому, жаждал знаний и очень стеснялся своей безграмотности. Лёва говорил ему, что никогда не поздно учиться, но Зейнал считал, что важнее заработать деньги, ведь на нём большая семья, которую надо кормить. Он работал как проклятый с утра до позднего вечера. Они были соседями, и Лёва часто видел, как поздно вечером Зейнал возвращается домой по Малой Крепостной улице. Этот человек поразил его своей целеустремлённостью и могучей волей. С десяти лет Зейнал таскал и обтёсывал камни. У него не было детства, ни одну заработанную копейку он не потратил на детские удовольствия – только на нужды семьи или ради накоплений. Зейнал никогда не проявлял слабости, считая, что это основа лени и безделья, равнодушия и беспечности.

Лев честный и прямой человек. За это его уважают недруги и любят друзья. Он умеет найти общий язык со всеми. С ним дружат и армяне, и мусульмане, и городское начальство, и простые люди. Он вхож в самые влиятельные дома Баку – в семьи Селимхановых и Айвазовых. Род Селимхановых восходит к последнему бакинскому хану Гусейн Кули-хану. Касымбек Селимханов это первый мусульманин, который стал сотрудничать с новой русской властью. При хане Касымбек владел двумя нефтяными колодцами на Биби-Эйбате, остальные 48 принадлежали самому хану. Пришли русские и, учитывая, что Касымбек сотрудничал с ними, в знак уважения сохранили за ним его колодцы, остальные перешли русской казне. Род Айвазовых также очень древний, он является старейшим в Баку среди армянской общины. Абрам Айвазов родился в Бакинской крепости в 1773 году. Он построил здесь первую христианскую церковь в 1797 году, а в 1829 году стал единоличным откупщиком всех нефтяных и солевых колодцев Апшерона в течение пяти лет до 1835 года.

Я быстро вошёл в суть процесса производства керосина и обзавёлся новыми знакомыми – служащими у Роберта Нобеля. Они водят меня по городу, стараясь удивить местными восточными диковинами, и им это удаётся. Благо транспорт относительно дешёвый. Так, фаэтончики берут в среднем 20 коп. за проезд и 60 коп. за час; экскурсионный осмотр города, промыслов и заводов обходится в 5–7 руб. Больше всего меня впечатлила поездка в апшеронские селения Балаханы, Сабунчи и Раманы. Когда мы подъезжали на фаэтоне к Балаханы, мне показалось, что впереди возник, как в страшной сказке, лес из чёрных деревьев. И только подъехав ближе, я понял, что это нефтяные вышки – узенькие деревянные башенки, напоминающие высокие мельницы без крыльев или небольшие пирамиды, возвышающиеся над нефтяными колодцами или скважинами, внутри которых имеются различные приспособления и машины для тартания (черпания) нефти. Тартар – это катушка барабана, на которую наматывается стальной проволоочный канат длиной в несколько сажень; к концу каната привязывается ведро.

Нефтяные вышки

По Апшеронскому полуострову разбросано всего около сорока сёл. Как-то я поехал их осматривать в сопровождении моего друга Карла и ахунда⁸ из села Новханы – мирзы⁹ Магомеда, очень приятного и образованного человека, говорящего на русском языке. Эти сёла показались оазисами посреди пустынной, безжизненной местности. У всех сельчан имеются фруктовые сады, где растут инжир, виноград, маслины и шелковицы (красный и белый тут). А между сёлами плывёт степь, погружённая в жёлтую сонную тишину. Лишь изредка её гладь нарушается лысыми вершинами невысоких холмов. Я представил себе, как прибрежные скалы пылают от летней жары, а морские волны свинцового и непостижимого Каспия, напротив, сжалившись над ними, остужают их. Гостеприимные селяне пытались всячески угодить нам, пода-

⁸ Одно из разрядов званий мусульманского учёного: высший разряд – ахунды, низший – моллы, или муллы.

⁹ Если слово «мирза» стоит впереди имени, это указывает на образованность, учёность человека; если после имени – то принц крови.

вая то холодную колодезную воду, то сладкие фрукты и прося задержаться, чтобы перекусить и отведать горячего чая. Я обратил внимание, что их язык отличается от татарского, который можно услышать в городе. Мирза Магомед объяснил, что в этих селениях живёт много татов, то есть кавказских персов. Они были переселены на северо-восточные границы империи ещё при Сасанидах¹⁰ и защищали их от набегов северных степных тюркских племён. Татский язык считается испорченным говором фарси. Большинство этих людей худошавые, с продолговатыми бородатыми лицами, которые кажутся ещё длиннее из-за остроконечных бараньих папах.

Далее мирза продолжил свой рассказ:

– У татов-мусульман отсутствует своя письменность, и они постепенно ассимилируются с местным тюркоязычным мусульманским населением. Их молодёжь уже почти не говорит на татском. Для нас, мусульман Закавказья, Персия является образцом для подражания, поэтому мы подвержены почти всем их порокам.

– Можете назвать самый существенный?

– Думаю, это лесть. У нас всё определяется выгодой, исключаящей всякую принципиальность в европейском понимании слова. Все деловые связи основаны на поборах и подарках. Каждое мало-мальски значимое должностное лицо твёрдо уверено, что любая просьба или любое дело, зависящее от него, стоит пешкеша – то есть взятки. У нас можно откупиться лестью, залогом, женщинами, юношами. Нашего балаханского полицмейстера всё местное население почитает. А знаете почему? Он очень большой взяточник, которому надо много платить!

¹⁰ *Сасани ды* – династия персидских правителей (шахиншахов), правивших в Сасанидской империи с 224 по 651 годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.